

РАФАЭЛЬ
RAFAEL SABATINI

Rafael Sabatini

САБАТИНИ

◆ **МОРСКОЙ ЯСТРЕБ** ◆

РАФАЭЛЬ
RAFAEL SABATINI

Rafael Sabatini

САБАТИНИ

◆ МОРСКОЙ ЯСТРЕБ ◆

Аннотация

Роман «Морской ястреб» – одно из лучших произведений классика мировой историко-приключенческой прозы Рафаэля Сабатини. Это история сэра Оливера Трессилиана – аристократа, джентльмена, государственного преступника и лихого пиратского капитана, его увлекательных приключений и удивительных деяний – то жестоких, то героических. История его времени – славного и опасного XVI века, когда Англия только начинала борьбу с Испанией за титул «властительницы морей»...

Оглавление

[Аннотация](#)

[Введение](#)

Часть первая. СЭР ОЛИВЕР ТРЕССИЛИАН

[Глава I. ТОРГАШ](#)

[Глава II. РОЗАМУНДА](#)

[Глава III. КУЗНИЦА](#)

[Глава IV. ПОСРЕДНИК](#)

[Глава V. ЗАЩИТНИК](#)

[Глава VI. ДЖЕСПЕР ЛЕЙ](#)

[Глава VII. В ЗАПАДНЕ](#)

[Глава VIII. «ИСПАНЕЦ»](#)

Часть вторая. САКР-ЭЛ-БАР

[Глава I. ПЛЕННИК](#)

[Глава II. РЕНЕГАТ](#)

[Глава III. ДОМОЙ](#)

[Глава IV. НАБЕГ](#)

[Глава V. ЛЕВ ВЕРЫ](#)

[Глава VI. НОВООБРАЩЕННЫЙ](#)

[Глава VII. МАРЗАК-БЕН-АЗАД](#)

[Глава VIII. МАТЬ И СЫН](#)

[Глава IX. КОНКУРЕНТЫ](#)

[Глава X. РЫНОК РАБОВ](#)

[Глава XI. ПРАВДА](#)

[Глава XII. ХИТРОСТЬ ФЕНЗИЛЕ](#)

[Глава XIII. ПЕРЕД ЛИЦОМ АЛЛАХА](#)

[Глава XIV. ЗНАК](#)

[Глава XV. ПУТЕШЕСТВИЕ](#)

[Глава XVI. КОРЗИНА](#)

[Глава XVII. ОБМАНУТЫЙ](#)

[Глава XVIII. ШАХ И МАТ](#)

[Глава XIX. БУНТОВЩИКИ](#)

[Глава XX. ГОНЕЦ](#)

[Глава XXI. MORITURUS](#)

Глава XXII. СДАЧА

Глава XXIII. СУДЬИ

Глава XXIV. ЗАЩИТНИК

Глава XXV. ПРИГОВОР

Рафаэль Сабатини

«Морской ястреб»

Введение

Лорд Генри, который, как мы увидим, был немного знаком с сэром Оливером Трессилианом, прямо говорит нам, что он был дурен собою, но надо иметь в виду, что он был склонен к резким суждениям и его взгляды не всегда соответствовали действительному положению вещей. Вероятно, он ошибался и в наружности сэра Оливера. Мое мнение подтверждает и письменный портрет, который он нам дал. «Сэр Оливер был, – говорит он, – высокий, сильный малый, хорошо сложенный, исключая того, что у него были слишком длинные руки и что ступни и кисти рук у него были огромные. У него был смуглый цвет лица, черные волосы и черная раздвоенная бородка. Нос у него был большой и очень горбатый. Глаза под густыми бровями глубоко сидели в орбитах и были светлые, чрезвычайно жестокие и мрачные. Его голос – я заметил, что это признак глубокой мужественности – был громкий, глубокий и более подходящий и чаще встречающийся на шанцах, чем при прославлении Господа». Так говорит лорд Генри Год, и вы замечаете, как в описании наружности этого человека чувствуется его нелюбовь к нему. Дело в том – и это вообще ясно сквозит в его многочисленных писаниях, – что лорд Генри был мизантропом. В сущности, эта мизантропия заставила его, как и многих других, взяться за перо. Он берется за него не столько для того, чтобы составить хронику событий своего времени, но в сущности для того, чтобы найти выход горечи, накопившейся в нем со времени его падения. В результате он не склонен находить что-нибудь хорошее в ком бы то ни было и редко упоминает о ком-нибудь из своих современников, чтобы не найти возможности высказать что-нибудь саркастическое по его адресу. В сущности, ему можно найти оправдание. Он был одновременно мыслителем и человеком дела – совпадение, настолько же редкое, насколько и плачевное по результатам. Человек дела мог бы преуспеть там, где с самого начала мешал мыслитель. Прекрасный моряк, он мог бы стать лордом, адмиралом всего английского флота, если бы этому не препятствовала его склонность к интригам. К счастью для него, – иначе он несомненно не сумел бы сохранить ясность мыслей, – он вовремя попал под

подозрение. Его карьера от этого пострадала, но ему была предоставлена некая компенсация, так как в сущности подозрения эти не имели под собой почвы. Он был отставлен от командования и по милости королевы был назначен наместником Корнваллиса – положение, не дававшее ему возможности принести много вреда. Там, озлобленный этим ударом его честолюбием и провод жизнь в относительном уединении, он, как и многие другие в его положении, стал искать утешения в своих писаниях. Он написал свою чрезвычайно брюзгливую, мелочную и поверхностную историю лорда Генри Года – удивительное сочетание инсинуаций, искажений и оригинального правописания. В восемнадцати томах, заполненных его мелким готическим почерком, он передает собственную версию истории своего падения и, покончив с этим вопросом, несмотря на свое многословие в пяти из своих восемнадцати томов, он продолжает повествовать о событиях своего времени, насколько он непосредственно соприкасался с ними в своем Корнуоллском уединении. Для изучения истории Англии его хроника совершенно неинтересна, почему она и была забыта и не была напечатана. Но для человека, изучающего историю жизни необычайной личности Оливера Трессилиана, она неоценима. И так как я занялся теперь ею, то мне надлежит с самого начала удостоверить, что я черпал ее из этой хроники. Без нее было бы немислимо составить себе понятие о жизни этого Корнваллского джентльмена, сделавшегося ренегатом и корсаром и даже стоявшим на пороге того, чтобы сделаться пашой Алжира – или «Аржира», как это произносит лорд Генри– если бы этому, не помешали обстоятельства, о которых я и расскажу.

Часть первая
СЭР ОЛИВЕР ТРЕССИЛИАН

Глава I. ТОРГАШ

Сэр Оливер Трессилян мирно сидел в величественной столовой своего прекрасного дома в Пенарроу, созданного предприимчивостью его отца, оставившего по себе печальную и жалкую известность, и воображением итальянского архитектора, по имени Баньоло, приехавшего в Англию полвека тому назад в качестве сотрудника знаменитого Ториньяни. Под руководством талантливого архитектора, достойного помощника Мессера Ториньяни, был создан величественного вида двухэтажный кирпичный дом, полный света и солнца, благодаря огромным окнам в два света, доходившими почти до потолка на каждом фасаде. Главный вход был в угловом выступе, и над ним помещался массивный балкон, а все это было окружено колоннадой необычайной красоты, которую в настоящее время обвивали ползучие растения. Над обожженными красными черепицами крыши возвышались витые массивные трубы. Но главной своей славой Пенарроу, т.е. новый Пенарроу, созданный талантом Баньоло, был обязан своему саду, который появился из дикой чащи, окружавшей старый дом и покрывавшей возвышенности мыса Пенарроу. Время и природа помогли работе Баньоло. Баньоло выстриг замечательные площадки, выстроил величественные балюстрады, окружающие три террасы, соединенные лестницами; он сам составил чертеж фонтана и своими собственными руками высек гранитного фавна, возвышавшегося над ним, и дюжину мраморных нимф и лесных богов, сверкавших своей белизной среди тусклой зелени. Но время и природа превратили поляны в бархатные луга, сделали буковые изгороди густыми и вытянули вверх пико образные тополя, завершавшие вполне итальянский вид этого корнваллского поместья.

Сэр Оливер мирно сидел в своей столовой, любуясь расстилавшимся перед ним видом, облитым мягким сентябрьским солнцем, и находил, что все это очень красиво и жизнь очень хороша. Никто не бывает оптимистом, если у него нет для этого непосредственной причины в окружающем. У сэра Оливера было их несколько. Первая, их них – хотя он, может быть, о ней и не подозревал – была его молодость, богатство и хорошее пищеварение,

вторая состояла в том, что он заслужил почести и славу на испанском материке в недавней победе над Непобедимой Армадой – или, вернее сказать, над бывшей Непобедимой Армадой – и что он на двадцать пятом году жизни получил дворянство из рук королевы -девственницы, а третьей и последней причиной его хорошего настроения – я оставил ее напоследок – было то, что Купидон оказался к нему вполне благосклонен, и ухаживание сэра Оливера за миссис Розамундой Годольфин протекало гладко и счастливо.

Поэтому-то сэр Оливер и сидел теперь в хорошем настроении на большом резном стуле; камзол его был расстегнут, длинные ноги вытянуты, задумчивая улыбка бродила на его губах, оттененных маленькими усиками (портрет его, принадлежавший лорду Генри, был сделан гораздо позже). Был полдень; наш джентльмен только-что пообедал, на что указывали блюда с надрезанными кушаньями и полу-опустошенная бутылка, стоявшая на столе перед ним. В то время, как его мечтательный взор скользил по залитой солнцем террасе, на нее упала тень. Вслед за тенью появилась ее материальная форма, высокая, в ярких одеждах, в широкополой испанской шляпе, украшенной ярко-красными перьями. Размахивая длинной, обвитой лентами, тростью, фигура прошла мимо окна, точно сама судьба. С губ сэра Оливера сошла улыбка. Его загорелое лицо стало серьезным, черные брови сдвинулись, на лбу образовалась глубокая морщина. Потом улыбка снова медленно показалась на губах, но это уже была не прежняя добродушная и задумчивая улыбка. Она была полна решительности.

Слуга Николас доложил о приходе мастера Питера Годольфина, и сейчас же вслед за лакеем вошел сам мастер Годольфин, опираясь на обвитую лентами трость и держа в руке широкополоую испанскую шляпу. Это был высокий, стройный джентльмен, с бритым, красивым, высокомерным лицом. Как и у сэра Оливера, у него был горбатый надменный нос, и он был моложе сэра Оливера года на два. Его каштановые волосы были длиннее, чем того требовала мода, но в общем он был щеголем ровно настолько, насколько позволял ему его возраст. Сэр Оливер встал и поклонился, приветствуя его. Но волна табачного дыма попала в горло изящному гостю: он закашлялся и сморщился.

– Я вижу, – сказал он, – что вы приобрели эту скверную привычку.

– Я знал более скверные, – спокойно сказал сэр Оливер.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил мастер Годольфин, показывая этим свое настроение и цель своего прихода.

Сэр Оливер проглотил ответ, который помог бы его гостю в его намерениях, так как для него это было совсем нежелательным.

– Поэтому, – иронически сказал он, – я надеюсь, что вы отнесетесь снисходительно к моим недостаткам. Ник, подайте стул мастеру Годольфину и принесите кубок. Приветствую вас в Пенарроу. На лице молодого человека промелькнула усмешка.

– Вы оказываете мне любезность, сэр, но я боюсь, что не сумею вам на нее ответить.

– Вы будете иметь случай, когда я приду к вам и попрошу у вас о таковой, – сказал сэр Оливер, стараясь казаться добродушным.

– Когда вы попросите о таковой?

– О гостеприимстве в вашем доме, – пояснил сэр Оливер.

– Об этом-то я и пришел с вами переговорить.

– Не хотите ли присесть? – пригласил его сэр Оливер и указал рукой на стул, который внес Николас. Тем же жестом он выпроводил слугу.

Мастер Годольфин не обратил внимания на приглашение.

– Вы, – сказал он, – были, как я слышал, вчера в Годольфин-Корте. – Он замолчал, и так как сэр Оливер не возражал, он холодно добавил: – Я пришел к вам, сэр, чтобы сказать вам, что мы ничего не имеем против того, чтобы отказаться от ваших визитов. Делая страшные усилия, чтобы сохранить спокойствие при этой дерзости, сэр Оливер побледнел под загаром.

– Вы должны понять, Питер, – ответил он тихо, – что сказали уже слишком много, так что вам ничего не остается добавить. – Он замолчал и несколько секунд смотрел на своего гостя. – Не знаю, сказала ли вам Розамунда, что она вчера сделала мне честь согласиться стать моей женой?

– Она ребенок, который не знает, чего он хочет, – прервал его Питер.

– Знаете ли вы причину, из-за которой она может переменить свое намерение? – сказал сэр Оливер.

Мастер Годольфин сел, скрестил ноги и положил шляпу себе на колени.

– Я знаю дюжину причин, – ответил он, – но я не буду их

высказывать. Довольно, если я вам напомню, что Розамунде только семнадцать лет и что она состоит под моей опекой и под опекой сэра Джона Киллигрю. Ни сэр Джон, ни я не согласимся на этот брак.

– Но кто же просит вашего согласия, – прервал его сэр Оливер, – или согласия сэра Джона? Слава богу, ваша сестра скоро будет совершеннолетней, и будет сама располагать собой. Я совсем не тороплюсь со свадьбой, и вообще, как вы, вероятно, заметили, я по природе очень терпелив. Я подожду. – И он снова затянулся из своей трубки.

– Это вам не поможет, сэр Оливер. Вы бы лучше сделали, если бы постарались меня понять, И сэр Джон и я непоколебимы.

– Вот как. Отлично. Пошлите сэра Джона ко мне, чтоб он объявил мне свое решение, а я ему сообщу свое. Передайте ему от моего имени, мастер Годольфин, что если он потрудится приехать в Пенарроу, я сделаю с ним то, что уже давным-давно должен был бы сделать палач. Вот этими руками я обрежу ему его длинные уши.

– Ну, а до тех пор, – сказал сердито мастер Годольфин, – не испробуете ли вы на мне вашу разбойничью храбрость?

– На вас? – спросил сэр Оливер и посмотрел на него с добродушным презрением. – Я не мясник, режущий цыплят, Кроме того, вы брат вашей сестры, и в мои намерения не входит увеличивать стоящие на моей дороге препятствия. – Тут тон его изменился. Он облокотился на стол. – Послушайте, Питер, в чем дело? Не можем ли мы как-нибудь покончить с этим недоразумением? Будьте искренны. Поговорим по душе.

– По душе! – презрительно усмехнулся гость. – Наши отцы показали нам в этом пример.

– Какое нам дело до того, что делали наши отцы. Пусть им будет стыдно, что, будучи соседями, они не могли жить в дружбе. Неужели мы последуем такому плохому примеру?

– Не хотите ли вы сказать, что в этом виноват был мой отец? – воскликнул тот, уже готовый разозлиться.

– Я ничего не хочу сказать, мой мальчик, я говорю, что им обоим должно быть стыдно.

– В таком случае обвиняйте вашего отца, с которым ни один порядочный человек не мог жить в мире!

– Тише, тише, мой дорогой.

– Молчать не приходится. Ральф Трессилиан был бесчестен, он был позором всей округи. Нет ни одной деревни отсюда до Труро или до Хелстона, где не было бы людей с носами, как у большого Трессилиана, такими же, как у вас. Глаза сэра Оливера сузились, он улыбнулся.

– Интересно было бы знать, откуда вы получили свой нос?

Мастер Годольфин сердито вскочил со стула.

– Сэр, – воскликнул он, – вы оскорбляете память моей матери.

Сэр Оливер засмеялся.

– Может быть, я слишком много себе позволил в ответ на то, что вы сказали о моем отце.

Мастер Годольфин без слов, в бешенстве уставился на него, потом подталкиваемый злобой, перегнулся через стол, поднял свою длинную трость и сильно ударил сэра Оливера по плечу. Сделав это, он величественно направился к двери. На пол-дороге он остановился.

– Я буду ожидать ваших секундантов и ударов вашей шпаги.

Сэр Оливер снова рассмеялся.

– Я вряд ли дам себе труд их посылать, – сказал он.

Мастер Годольфин повернулся и взглянул ему прямо в лицо.

– Как! Вы снесете это оскорбление?

Сэр Оливер пожал плечами.

– Никто этого не видел, – сказал он.

– Но я всюду расскажу об этом.

– Вас сочтут за лжеца, никто вам не поверит. – Потом он снова переменил тон. – Послушайте, Питер, мы ведем себя недостойно. Что касается удара, то я признаюсь, что я заслужил его. Особа матери должна быть более священна для человека, чем особа отца. Поэтому мы теперь квиты. Не можем ли мы расквитаться и во всем другом? Что нам поможет, если мы будем продолжать безумную ссору, возникшую между нашими отцами?

– Между нами есть еще кое-что, – ответил мастер Годольфин. – Я не хочу, чтоб моя сестра вышла замуж за пирата.

– За пирата? Бог мой. Хорошо, что никто вас не слышит: ее величество даровало мне дворянство за мои подвиги на море, поэтому ваши слова равняются измене. Как-никак, мой мальчик, то, что

заслужило одобрение королевы, может также заслужить и одобрение Питера Годольфина и даже вашего ментора, сэра Джона Киллигрю. Это он вас настроил и послал вас сюда.

– Я никогда не был ничьим лакеем, – горячо ответил тот, чувствуя себя оскорбленным, тем более, что это была правда.

– Называть меня пиратом нелепо. Я думаю, что здесь, в Корнваллисе, я не хуже других. Розамунда делает мне честь своей любовью, я богат и буду еще богаче, прежде чем зазвонят свадебные колокола.

– Богат плодами грабежей на морях, богат сокровищами потопленных судов и ценой рабов, взятых в плен в Африке и проданных на плантации, богат, как вампир, насыщенный кровью мертвецов.

– Это все говорит сэр Джон? – спросил сэр Оливер тихим беззвучным голосом.

– Это говорю я.

– Я слышу, но спрашиваю вас, где вы выучили этот замечательный урок? Не сэр ли Джон ваш учитель? Он, он. Не стоит этого опровергать. Я разделаюсь с ним. Пока же позвольте мне открыть вам чистый и беспристрастный источник ненависти сэра Джона.

– Я не желаю слушать, что вы будете говорить о нем.

– Нет, вы должны выслушать меня, раз я выслушал вас. Сэр Джон желает получить лицензию на застройку устья Фаля. Он надеется, что там, у моря, под сенью его усадьбы «Арвенак», вырастет город. Он утверждает, что он лично не заинтересован и заботится только о могуществе родины, но он не говорит, что земля принадлежит ему и его родственникам, которым он покровительствует. Мы, благодаря счастливому случаю, встретились в Лондоне, когда сэр Джон был по этому делу при дворе, И вот случилось, что и я тоже заинтересован в Труро и Пенрине, но, в противоположность сэру Джону, я искренен в этом отношении и прямо заявил об этом. Если Смисик будет отстраиваться, то, как результат преимущества его положения, потеряют Труро и Пенрин, и это так же неинтересно для меня, как обратное положение интересно сэру Джону. Я так и сказал ему, так как умею быть откровенным, и сказал это королеве в форме контр-петиции сэру Джону. – Он помолчал. – Момент для меня был благоприятный. Я

был одним из моряков, которые помогли победить Непобедимую Армаду короля Филиппа. Поэтому нельзя было оставить меня без внимания, и сэра Джона послали домой с пустыми руками. Разве удивительно, что он меня ненавидит? Зная его, неужели вы удивляетесь, что он называет меня пиратом и еще хуже. Он выбрал оружием клевету, но это не мое оружие, и я ему докажу это сегодня же. Если вы не верите тому, что я говорю, пойдите со мною и послушайте, какой разговор я буду иметь с этим скрягой.

– Вы забываете, – сказал мастер Годольфин, – что я тоже заинтересован и что вы затрагиваете и мои интересы.

– Вот как, – сказал сэр Оливер. – Наконец-то солнце проглядывает из-за туч и освещает негодование происхождением и моими пиратскими склонностями. Вы сам ничто иное, как торгаш! Как я был глуп, считая вас искренним и разговаривая с вами, как с честным человеком.

– Эти слова... – сказал мастер Годольфин, выпрямляясь во весь рост.

– Говорят меньше, чем вы заслуживаете, – прервал его другой и громко крикнул: -Ник!

– Вы ответите за это, – выпалил его гость.

– Я отвечаю сейчас, – сурово ответил тот. – Вы приходите сюда, болтаете о развращенности моего отца и о старинной вражде между ним и вашим отцом, обвиняете меня в пиратстве и говорите, что мой образ жизни является препятствием к моему браку с вашей сестрой, в то время как действительная причина вашей злобы – несколько жалких фунтов в год, которых я вас лишил. Идите с богом.

– Вы скоро услышите обо мне, сэр Оливер, – сказал тот, бледнея от злобы. – Вы ответите за свои слова!

– Я не дерусь с торгашами, – вспыхнул сэр Оливер.

– Как вы смеете так называть меня!

– Конечно, это позорит класс людей, достойный уважения, я согласен с этим. Ник, откройте дверь мастеру Годольфину.

Глава II. РОЗАМУНДА

После ухода гостя сэр Оливер успокоился. Теперь он был в состоянии обдумать свое положение, но снова рассердился, вспомнив, как он дал гневу настолько овладеть собой, что еще увеличил препятствия между собой и Розамундой, а их и так уже было не мало. Гнев его обратился на сэра Джона Киллигрю. Он немедленно же разделяется с ним. Да, он сделает это, тому свидетель небо. Он позвонил Нику и велел принести свои сапоги.

- Где мастер Лайонель? – спросил он, когда ему принесли сапоги.
- Он только-что вернулся, сэр Оливер.
- Попросите его сюда.

В ответ на его призыв немедленно явился сводный брат сэра Оливера – стройный юноша, похожий на мать, – вторую жену развратного Ральфа Трессилиана. Он ни душой, ни телом не походил на сэра Оливера; он был довольно красив, нежной, почти женской красотой. Цвет лица у него был светлый и нежный, волосы золотые, глаза темно-синие. Он был очень изящен – ему шел только двадцать первый год – и одевался он с изысканностью придворного щеголя.

– Этот щенок Годольфин приходил вас навещать? – спросил он входя.

– Да, – пробурчал сэр Оливер, – он пришел сообщить мне некоторые вещи и услышать от меня кое-что в ответ.

– Я встретил его у ворот, и он не ответил на мое приветствие. Гнусный, несносный щенок.

– Ты правильно судишь о людях, Лаль. – Сэр Оливер встал. Сапоги были уже надеты.

– Я еду в Арвенак, чтобы обменяться с сэром Джоном несколькими комплиментами.

Его плотно сжатые губы и решительный вид подтверждали его слова, так что Лайонель схватил его за руку. – Вы не... вы не...

– Да. – И чтоб успокоить брата, он нежно погладил его по плечу. – Сэр Джон, – добавил он, – слишком много болтает. Я хочу научить его добродетели молчания.

- Будут неприятности, Оливер.

– Да, для него. Если человек говорит про меня, что я пират, что я торгую рабами, что я убийца и вообще бог знает, что еще, то он должен отвечать за последствия. Но отчего вы так запоздали, Лаль? Где вы были?

– Я доехал до Мальпаса.

– До Мальпаса? – сэр Оливер прищурил глаза, что было его обычной манерой. – Я слышал, какой магнит вас притягивает туда, – сказал он. – Будьте осторожны, дитя, – вы слишком часто туда ездите.

– Как так? – холодно спросил Лайонель.

– Я хочу сказать, что вы сын моего отца.

При этих словах он положил руку на плечо брата, и теплота его объятия не позволила тому обидеться за эти слова.

Когда он ушел, Лайонель сел за обед, но ел мало. Он был задумчив. Мысленно он следовал за братом в его поездке в Арвенак. Киллигрю не был младенцем, он был человеком в цвете сил, солдатом и моряком. Если с Оливером что-нибудь случится... Он задрожал при этой мысли. И помимо своей воли он начал обдумывать последствия этого для себя.

Всем, что он имел, он обязан был доброте своего брата. Их развратный отец умер, как обычно умирают такие лица, оставив после себя заложенные поместья и вообще массу долгов. Даже дом в Пенарроу был заложен. Тогда Оливер продал маленькое поместье около Хелстона, унаследованное им от матери, и вложил деньги в одно предприятие в испанских владениях. Он экипировал и снарядил судно и отправился с Хаукинсом в одно из тех предприятий, которые сэр Джон Киллигрю имел право называть пиратством. Он вернулся, привезя с собой огромное количество пряностей и драгоценностей, благодаря чему мог выкупить наследие Трессилианов. Он снова отплыл и вернулся еще богаче. А в это время Лайонель сидел мирно дома. Он любил покой. Он был по природе ленив, и у него были дорогостоящие эксцентричные вкусы, обычно совмещающиеся с ленью. Он не был рожден для труда и борьбы и совсем не старался исправиться в этом отношении. Иногда он думал о том, что с ним будет, когда Оливер женится. Он боялся, что его жизнь тогда уж не будет такой покойной, как теперь. Но он старался не думать об этом – такие люди, как он, никогда не задумываются о будущем. Когда он начинал об этом размышлять, то утешал себя тем, что Оливер любит

его и даст ему все, что нужно.

В этом отношении он был несомненно прав. Оливер был ему скорее отцом, чем братом. Когда отца их принесли домой раненого каким-то оскорбленным им мужем, он поручил Лайонеля старшему брату. В то время Оливеру было семнадцать, а Лайонелю двенадцать лет. Но Оливер выглядел настолько старше своего возраста, что Ральф Трессилиан вполне мог положиться на этого умного и решительного сына.

Все это вспомнил теперь Лайонель, и снова в нем началась борьба против навязчивой мысли о том, что, если с братом в Арвенке приключится что-нибудь плохое, то ему будет только выгодно, так как тем, чем он теперь пользуется, благодаря доброте брата, он будет владеть по праву. Точно какой-то дьявол смущал его. Борясь с этим голосом, который в его хорошие минуты казался ему отвратительным, он старался думать о постоянной и неизменной любви Оливера. Вспоминал те благодеяния, которыми Оливер его осыпал, и проклинал свою испорченность. На него так подействовали эти мысли и борьба между эгоизмом и совестью, что, вскочив на ноги, он воскликнул:

– Отойди от меня, сатана!

Старый Николас, взглянув на него, увидел, что лицо юноши бледно и покрыто потом.

– Мастер Лайонель, мастер Лайонель, -воскликнул он, вглядываясь в лицо своего молодого хозяина. – Что случилось?

Лайонель вытер лоб. – Сэр Оливер поехал в Арвенак по ужасному делу, – сказал он, – Он поехал наказать сэра Джона за то, что тот оклеветал его.

Обветренное лицо Николаса осветилось улыбкой.

– Вот как. Давно пора. У сэра Джона слишком длинный язык!

Лайонель удивился уверенности этого человека.

– Вы, вы не боитесь, Николас?.. Он не добавил, чего... Но слуга понял, и улыбка еще шире расплылась по его лицу

– Бояться. Чепуха! Я не боюсь за сэра Оливера. Сэр Оливер вернется к ужину с прекрасным аппетитом – вот и все.

Ожидания старика оправдались, хотя сэр Оливер поступил не совсем так, как он намеревался и обещал. Он поехал в Арвенак с твердым намерением убить клеветника. Меньшее его бы не

удовлетворило. Подъехав к чудесно защищенному замку Киллигрю, из амбразур которого было видно до самого Лизарда, отстоящего от замка на пятнадцать миль, он встретил Питера Годольфина. И благодаря присутствию Питера сэра Оливер был более официален и сдержан в своих обвинениях сэра Джона, чем сперва намеревался. Он желал, обвиняя сэра Джона, в то же время оправдаться в глазах брата Розамунды и дать ему понять, как несправедлива и недостойна была клевета, которую позволил себе сэр Джон.

Но сэр Джон сам вызвал ссору.

Они нашли в охотничьем парке укромный уголок, и сэр Джон – худощавый, бледный джентльмен, лет тридцати, набросился на сэра Оливера с шпагой и рапирой так же, как он раньше набрасывался языком. Но эта пылкость ему нисколько не помогла. Сэр Оливер приехал сюда с определенным намерением, а у него был такой характер, что он всегда приводил свое намерение в исполнение.

В три минуты все было покончено, и сэр Оливер, тщательно вытирал лезвие своей шпаги в то время, как сэр Джон, хрипя, лежал на траве, поддерживаемый сэром Питером и грумом, который был приведен сюда, в качестве свидетеля. Сэр Оливер вложил оружие в ножны и надел кафтан, потом остановился перед своим врагом, рассматривая его.

– Я думаю, что только на время заставил его замолчать, – сказал он, – сознаюсь, что я имел намерение сделать больше. Но я надеюсь, что этого урока будет достаточно, и думаю, что он больше не будет лгать, по крайней мере, про меня.

– Вы издеваетесь на побежденным, – сказал сердито мастер Годольфин.

– Сохрани боже, – серьезно сказал сэр Оливер. – Я не имею намерения издеваться. В моем сердце только сожаление, сожаление о том, что я не обделал этого дела лучше. Я пошлю из дома помощь.

– До свидания, мастер Питер.

Из Арвенака он отправился через Пенрин домой. Но он не поехал прямо домой. Он остановился у ворот замка Годольфин, который был расположен над мысом Трефузис, господствуя над путями в Каррик. Он въехал через старые ворота во двор. Соскочив на вымощенный плитами двор, он велел доложить о себе миссис Розамунде.

Он застал ее в светлой комнате с башенкой на западной стороне замка, окно которой выходило прямо на прелестную полосу воды и на лес, покрывающий отлогие холмы. Она сидела в проеме большого окна, держа на коленях книгу, когда он вошел, предшествуемый ее камер-юнгфером – Салли Пентрис, бывшей раньше няней. Когда он показался в дверях, почти задевая за притолоку, она встала с радостным восклицанием и стоя смотрела на него блестящими глазами. Щеки ее разгорелись. К чему описывать ее? Благодаря тому, что сэр Оливер теперь сделал ее имя известным, не было ни одного поэта в Англии, который не воспевал бы красоту и изящество Розамунды Годольфин, и многие из этих песен дожили и до сего времени. Она, как и ее брат, была смуглая, высокая, но благодаря своей молодости немного худощавая для своего роста.

– Я не ждала вас так рано, – начала она, но, увидев его серьезное лицо, воскликнула: – Что, что случилось? – Сердце подсказывало ей, что произошла какая-то неприятность.

– Ничего такого, что могло бы испугать вас, дорогая, но нечто такое, что может вас огорчить.

Он обнял ее тонкую, над раздувающимися фижмами, талию и довел ее до стула, а сам сел рядом с ней на подоконник. – Вы любите Джона Киллигрю? – спросил он, не то утвердительно, не то вопросительно.

– Ну, конечно. Он был нашим опекуном до совершеннолетия моего брата.

Сэр Оливер нахмурился.

– Вот в этом-то и дело – я почти убил его.

Она откинулась на спинку стула, отшатнувшись от него; он увидел в ее глазах ужас, и лицо ее побледнело. Он поторопился объяснить причины, доведшие его до этого. Рассказал ей о клевете сэра Джона в отместку за то, что ему не удалось получить лицензию на застройку Смисика.

– Сперва я не обращал на это внимания, – продолжал Оливер, – и одинаково презирал рассказы и рассказчика. Но он пошел дальше, Роза. Он восстановил против меня вашего брата и пробудил в нем заглохшую было ненависть, которая ещё со времен наших отцов существовала между нашими домами. Сегодня Питер пришел ко мне с явным намерением поссориться. Он говорил мне вещи, которых не

осмеливался сказать ни один человек.

Она вскрикнула. Ужас ее усилился. Он улыбнулся.

– Не думайте, что я мог бы причинить ему вред. Он ваш брат и, следовательно, для меня священен. Он пришел сообщить мне, что наш брак невозможен, запретил мне когда-либо посещать замок Годольфин, называл меня в лицо пиратом и вампиром и оскорблял память моего отца, Я дошел до источника этого – Киллигрю – и поехал в Арвенак, чтобы убрать навсегда этот источник клеветы. Но я не исполнил того, что намеревался. Вы видите, моя Роза, я искренен. Может быть, сэр Джон останется жив; если так, я надеюсь, что урок послужит ему на пользу. Я приехал прямо к вам, – заключил он, – чтоб вы узнали все это от меня, прежде чем кто-нибудь другой придет позорить меня лживыми рассказами об этом происшествии.

– Вы, вы говорите о Питере? – воскликнула она.

– Увы! – вздохнул он.

Она сидела молчаливая и бледная, смотря прямо перед собой. Наконец она заговорила.

– Я не умею разбираться в людях, – сказала она печальным голосом, – и как мне уметь, ведь я девушка и живу в уединении. Мне говорили, что вы вспыльчивы и страстны – человек, имеющий много врагов, что вы легко раздражаетесь, зло и жестоко расправляетесь с врагами.

– Вы, вы тоже слушали сэра Джона, – пробормотал он и сухо рассмеялся.

– Все это мне говорили, – продолжала она, точно не слыша его, – и всему этому я отказывалась верить, так как мое сердце принадлежало вам. Но.. но то, что вы сделали сегодня, доказало...

– Мою сдержанность, – коротко сказал он.

– Сдержанность, – повторила она и грустно усмехнулась, – вы, вероятно, издеваетесь надо мной?

Он постарался ей объяснить.

– Я сказал вам, что сэр Джон задевал мою честь – я давно это знаю. Но я все переносил с молчаливым презрением. Разве это доказывает, что я легко раздражаюсь? Что это такое, как не сдержанность? И даже когда он доводит свою злобу торговца до того, что хочет закрыть для меня источник счастья и посылает ко мне вашего брата, чтоб

оскорбить меня, я все же настолько сдержан, что даю себе отчет в том, что ваш брат игрушка в его руках и иду прямо к направляющей его руке. Зная вашу любовь к сэру Джону, я прощал ему столько, сколько не простил бы ни один благородный человек в Англии.

Потом, видя, что она все еще избегает его взгляда и все еще в ужасе от того, что человек, которого она любит, запачкал свои руки в крови другого, которого она также любит – его голос стал умоляющим. Он бросился на колени перед ее стулом и взял в свои огромные нервные руки нежные пальчики, которые она молча отдала ему.

– Роза, – воскликнул он, и его глубокий голос задрожал от волнения, – выбросьте из головы все то, что вы слышали. Обдумайте только следующее. Если б мой брат Лайонель пришел к вам и, имея для этого какую-нибудь возможность, поклялся бы вам, что вы никогда не выйдете за меня, поклялся бы помешать этому браку, так как он считал бы, что такая женщина, как вы, не сможет с честью носить мое имя, да вдобавок еще оскорбил бы память вашего покойного отца – что бы вы ему ответили? Скажите, Роза. Будьте честны сами с собой и со мною. Поставьте себя на мое место и скажите, можете ли вы обвинять меня за то, что я сделал?

Ее глаза скользили по его поднятому к ней лицу, каждая черта которого молила ее о беспристрастном суждении. Лицо ее сделалось сперва смущенным, потом почти жестоким. Она положила руки на его плечи и заглянула ему в глаза.

– Поклянитесь мне, Нолл, что все обстоит так, как вы сказали – что вы ничего не прибавили и не изменили в свою пользу?

– Бог мне свидетель, что я сказал правду, – торжественно ответил он.

Она склонилась к нему на плечо и тихо плакала: все, что она молча перестрадала с самого начала его ухаживания, теперь вылилось в этих слезах.

– Я верю, что вы поступили правильно. Верю, что ни один благородный человек не поступил бы иначе. Я должна верить вам, Нолл, так как иначе не могла бы ничему верить и ни на что надеяться. Вы точно огонь, который превратил в пепел все, что есть во мне лучшего.

Она задумчиво улыбнулась сквозь слезы.